

Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина

Ткаченко А.А. д.м.н., профессор, руководитель Отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский Центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России 119991, Москва, Кропоткинский пер., 23

Автор для корреспонденции. Ткаченко Андрей Анатольевич; e-mail: tkatchenko_gnc@mail.ru

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила: 02.08.2016.

Рассматриваются соотношения между правовыми категориями и научными взглядами на произвольность регуляции поведения. Представлено понимание юридического (психологического) критерия, в соответствии с которым каждый его компонент отражает научно обоснованный элемент единой системы саморегуляции поведения. Доказывается, что только такой подход создает возможности для привлечения к изучению юридического критерия современных представлений о механизмах саморегуляции, складывающихся в психологии и нейронауках.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, психическое расстройство, юридический критерий, саморегуляция, восприятие, свобода выбора, свобода воли, нейрофизиология, психология.

Судебная психиатрия имеет дело с теми психическими расстройствами, с установлением которых законодательство связывает наступление специфических правовых последствий (освобождение от уголовной ответственности, применение принудительных мер медицинского характера, признание сделки недействительной и пр.). Таким образом, предмет судебно-психиатрии составляют психические расстройства, имеющие правовое значение в уголовном и гражданском процессе (юридически релевантные психические расстройства). Критерии, по которым производится судебно-психиатрическая оценка психических расстройств, либо прямо содержатся в законе (в статьях о невменяемости, гражданской недееспособности и т.п.), либо вытекают из его смысла и из характера рассматриваемого судом дела. Эта группа признаков именуется *юридическими (психологическими) критериями*. Традиционная схема построения юридического критерия подразумевает выделение в его структуре интеллектуального («понимать», «осознавать», «воспринимать») признака, охватывающего все многообразие когнитивных психических процессов, и *волевого* («руководить своими действиями», «оказывать сопротивление») признака.

Представления о природе юридических критериев носят неоднозначный характер. Довольно категорично высказывался, например, С.Н.Шишков [40], который считал, что формулировки юридического критерия не могут использоваться в качестве непосредственного «измерительного инструментария» глубины психического расстройства, исключаяющего вменяемость.

По его мнению, за пределами действия принципа «очевидности» ответ на этот вопрос не имеет решения, которое подкреплялось бы какой-либо научной аргументацией, ибо любой ответ неизбежно окажется самодостаточным и непроверяемым. Никакие достижения судебно-психиатрической науки не в силах сделать судебно-психиатрические оценки проверяемыми, ибо их проверяемость принципиально недостижима естественнонаучным путем. Внешняя атрибутика экспертной аргументации, имитируя естественнонаучные процедуры обоснования и проверки, придает экспертному обоснованию всего лишь некоторую научную респектабельность, которая на поверку оказывается чисто внешней. Более того, сам постулат, что судебные психиатры дают свои выводы относительно тяжести психического расстройства в соответствии с законодательной формулой юридического критерия невменяемости, иллюзорен.

По мнению S.J. Morse [47], гражданские и уголовные правовые нормы, касающиеся судебной психиатрии, могут быть поняты в соответствии с обыденной психологической точкой зрения, отраженной в законе. Последний устанавливает, что психические состояния, в частности, желания и намерения, имеют решающее значение для причинного объяснения и оценки действия. Тип рациональности, требуемый законом, представляет собой общераспространенное мнение о смысле рациональности обычного человека, а не рациональность научного знания, т.е. понятие, приемлемое в рамках таких дисциплин, как экономика, философия, психология, информатика и т.д. Сколько именно необходимо понимания и какого рода

для оценки, например, вменяемости, — вопрос нормативных, правовых требований, а не научных или клинических данных, которые не содержат ответ на этот вопрос. Все доказательства, в том числе, чем вызвано поведение, должны помочь ответить на обыденные психологические вопросы, которые задаются судом: «закон касается действий, а не лежащих в их основе механизмов». Метафизическая свобода воли и вопрос детерминизма, по его мнению, не имеют никакого отношения к практике судебной психиатрии; свобода воли, к примеру, не является ни критерием любой из правовых норм, ни основой для практики ответственности в целом. Точно также не имеет отношения к практике судебной психиатрии проблема соотношения мозга и психики, поскольку, в конечном счете, востребована житейская психологическая концепция психических состояний, и любая научная информация, касающаяся причинно-следственных связей, должна быть релевантна в отношении к оценке обыденной психологией. Причинно-следственная связь сама по себе, на любом уровне научного объяснения, включая аномальную связь, не является смягчающим состоянием, поскольку такая связь «не то же самое, что компульсия». Психиатр может использовать научный язык, чтобы понять механизм того или иного расстройства и общаться с коллегами, однако, в качестве эксперта он должен переводить этот язык в обыденные психологические понятия [47]. Данная позиция более взвешенная, поскольку скорее указывает на реально существующую дистанцию между правовыми категориями, отражающими взгляд на поведение как исключительно осознанное, и научными представлениями о саморегуляции как сложнейшем процессе, подчиненном множественному базисному, в том числе психологическому (когнитивному, аффективному, личностному, смысловому и др.) опосредованию.

Однако причины скептических оценок природы юридических критериев имеют истоком верную в своей основе идею о том, что сам по себе диагноз психического расстройства вообще не является юридически значимым обстоятельством, поскольку вывод о нарушении (или сохранности) той или иной юридически значимой способности оказывается из него невы выводимым, и даже самый детальный анализ клинической картины не содержит в непосредственном виде информации об экспертном ответе.

Так, по выражению S.J. Morse [47], диагностические ярлыки в качестве «заместителей» человеческого поведения малоинформативны. Диагностические категории сформулированы так, чтобы служить клиническим и исследовательским целям, а не целям права, они могут включать в себя чрезвычайно неоднородное поведение. Психиатрические диагнозы несут мало (если несут вообще) информации, имеющей значение для права: «Суду требуется понимание человеческого поведения, а не ярлык, наклеиваемый

психиатрами на группу поведенческих признаков и симптомов». Конечно, и в трактовке поведения возможны расхождения и споры, однако, в сравнении с диагнозом, к которому мы приходим с помощью умозаключений, человеческое поведение более осознано, зримо, конкретно, а потому разрешить спор относительно поведения легче, чем в отношении диагноза. Более того, присяжным для ответа на вопрос о вменяемости необходимо понять и оценить не психиатрический диагноз, а действия, поведение субъекта.

Особую остроту проблематике предмета судебно-психиатрической экспертизы, специфику которого может быть раскрыта только через научно обоснованное содержание юридических критериев, на сегодняшний день задает бурное развитие нейронаук. Олицетворением современной биологической парадигмы психиатрии стал проект Национального института психического здоровья США RDoC, призванный изучить возможности включения достижений генетики, нейровизуализации и когнитивных наук в будущие диагностические схемы путем выделения доменов (генетических, эндофенотипических), отражающих этиологически значимые единицы. RDoC утверждает трансляционный подход к описанию расстройств, объясняя патологию в терминах отклонений от фундаментальных функциональных систем. Он подразумевает поиск причин того, как эти разнообразные системы теряют контроль при действии различных стимулов и связь этой дисрегуляции с соответствующими симптомами. Согласно этой идее, рано или поздно придется объяснять сложные симптомы в терминах дисрегуляции основных мозговых операций [41].

Доминирование подобных подходов в современной психиатрии бросает определенный вызов и судебной психиатрии, которая должна предоставить предмет аналогичных исследований, соответствующий ее собственному предмету как отдельной научной дисциплины. Возможности такого рода пока носят довольно спорный характер. Как отмечает M.A.Fozdar [44], судебная психиатрия не смогла извлечь выгоду из нового знания, обеспеченного экспоненциальным ростом нейронауки, открытия которой подпитываются, в первую очередь, быстрым прогрессом в области технологий, таких, как новые методы визуализации головного мозга (функциональная магнитно-резонансная томографии, позитронно-эмиссионная томография), когнитивная нейропсихология. Несмотря на улучшение нашего понимания взаимосвязи мозга и поведения, экспертные заключения выглядят все более сомнительными, когда используют набор подобных современных данных в каждом конкретном случае. Это отсутствие связности приводит к путанице и недоверию лиц, оценивающих экспертизу. Эти про-

тиворечия должны быть устранены совместными усилиями различных дисциплин, что, несомненно, приведет к научно обоснованной судебной практике путем снижения роли интуиции и общественно-политических сил. Между тем, должны учитываться ограничения в применении вновь получаемых знаний при формулировании юридически и научно обоснованных выводов об отношениях между нейробиологическими доказательствами и конкретным поведением.

В этом смысле S.J. Morse [48,49] высказывает озабоченность потенциальным злоупотреблением наукой в зале суда. Утверждая, что закон основан на обыденной психологии и нормативной системе ценностей, он остается сторонником убеждения, что современная неврология не может пока внести свой вклад в правовую политику и доктрину. По крайней мере, современная неврология не может заменить судебных психиатров и психологов, поскольку неврологические доказательства не могут быть положены в основу утверждения о «неспособности сформировать намерение совершить преступление» [44].

Между тем, подобное положение дел не исключает потребность в научном обосновании юридических критериев, суть которых, однако, раскрывается совместно со смежными с психиатрией дисциплинами. В свое время В.Х.Кандинский [16], обосновывая необходимость введения юридического критерия невменяемости, отстаивал именно его материалистическую природу, подчеркивая, что он «заимствован... не у «метафизиков», как некоторым (по очевидному недоразумению) показалось, а из физиологической психологии, неизбежно составляющей основу для рациональной психиатрии». В этой связи он указывал, что «одно дело учение о свободе воли у спиритуалистов, и другое дело — учение об условной свободе воли у психологов». Если первые, — говорил он, — исключают всеобщность действия закона причинности, то у вторых свободное действие есть ничто другое как частный случай действия этого закона.

Сложившиеся к настоящему времени представления о предмете судебно-психиатрической экспертизы (юридически релевантные психические расстройства) подразумевают единство медицинского и юридического критериев, которое реализуется через сопоставление психических процессов со структурой сохраненных и нарушенных звеньев в структуре целостной деятельности. По сути, технология такого сопоставления была предложена еще Д.Р.Лунцем [30], который говорил, что «вопрос о вменяемости-невменяемости решается применительно к психологическому критерию, а не путем его отыскания в ряду других патологических проявлений... Сущность экспертной оценки заключается в переводе данных психопатологического анализа в психологические понятия (выделено

нами — А.Т.)». Тем самым задается принципиальная потребность в трансформации клинических категорий в психологические, отражающие представления о произвольной саморегуляции, с соотношением психических процессов с предметной областью, отражающей содержание и цель конкретной юридически значимой деятельности (дача показаний, заключение сделки и т.д.).

Признание того факта, что юридические критерии сформулированы в психологических категориях, приводит иногда к другой крайности — например, О.Д.Ситковская [36] отстаивала точку зрения, согласно которой решение вопроса о вменяемости входит в компетенцию психолога. В качестве аргумента ей приводился довод о том, что не существует «юридического» критерия невменяемости, а только «психологический», поскольку наличие у обвиняемого способности осознавать фактическое значение и общественную опасность своих действий и руководить ими «непосредственно основано на психологических закономерностях, профессионально интерпретируемых» [37], тогда как выводы о наличии медицинского критерия невменяемости являются лишь основанием для психологического исследования состояния субъекта в момент деяния, причем для психолога медицинский критерий в принципе не является необходимым [36]. Представляется, что подобный отрыв психологического от психопатологического неправомерен — патопсихология и психопатология имеют дело с одним и тем же объектом — нарушениями психической деятельности. Патопсихология, также как и психопатология, изучает закономерности и стереотип развития психической болезни, но предметом ее исследования является не закономерность смены симптомов и синдромов, а определенное звено в структуре симптомообразования, т.е. то, что предшествует психопатологическим образованиям в патогенезе болезни. Патопсихология — необходимое звено в общей патологии психического, ее предмет исследования — структура нарушений психики, что сближает ее с психиатрией; «психопатологический» фактор — это фактор одновременно «патопсихологический» [38]. Поэтому психопатологические проявления могут выступать в роли феноменологии нарушений психической саморегуляции, что, в конечном счете, и создает основу совместного комплексного анализа.

В психологии сложилось понимание саморегуляции как многоуровневой и динамической системы психических процессов по инициации, построению, поддержанию и контролю активности, направленной на достижение принятой субъектом цели. При этом исходными являются представления о человеке как об открытой саморегулирующейся системе, а саморе-

гуляции отводится интегративная роль в обеспечении единства интеллекта и аффекта [20].

Приоритет в заслуге четкого системного формулирования объяснительного принципа саморегуляции как циклической организации целенаправленной активности живых систем, корректируемых на основании отрицательных обратных связей, принадлежит Н.А.Бернштейну [8], утвердившему концепцию кольцевого контура регуляции построения движений. Двигательный акт, смысловой по своей природе, подчиняется механизмам кольцевого сенсорного корригирования: при широкой вариативности двигательного состава действий определяющим фактором становится образ (представление) результата действия, на который это действие нацеливается осмыслением возникшей двигательной задачи. «Нигде, кроме смысла двигательной задачи и предвосхищения искомого результата ее решения, мы не найдем другой ведущей инварианты, которая определяла бы от шага к шагу то фиксированную, то перестраиваемую на ходу программу осуществления сенсорных коррекций», — писал Н.А.Бернштейн. «Интереснейшим и глубоко загадочным физиологическим объектом» называл он «прибор сличения (смеситель)», обеспечивающий «совершенно своеобразный процесс» сличения и восприятия разницы между текущей рецепцией и внутренним руководящим элементом (представлением), сопоставления со свежим следом предшествующей и опережающей (антиципация) рецепцией.

Сходные идеи содержали представления П.К.Анохина [2, 3] о функциональной системе — такой динамической организации процессов и механизмов, которая определяет потоки обратной, т.е. результативной, афферентации, информирующей ЦНС о достаточности полученного приспособительного эффекта. Тем самым она обладает чертами саморегуляции, представляя собой механизм, предшествующий и определяющий направленность всех этапов поведенческого акта. Она же обеспечивает синтез всех афферентных информационных (памяти, мотивации, обстановки и наличия в ней пусковых стимулов), которые в совокупности составляют необходимый этап для принятия решения. Физиологическим выражением принятого «решения» или поставленной «цели» является программа афферентных процессов, формирующих действие с одновременным формированием и аппарата акцептора действия. Последний предвосхищает афферентные свойства будущих результатов действия и наиболее полно отражает цель к действию (акцептор действия). Таким образом, немедленно после окончания стадии афферентного синтеза и формирования цели к действию почти одновременно формируются два тесно связанных нейрофизиологических механизма. Один из них содержит *афферентные параметры*

будущих результатов действия, а другой — *все детали программ распространения эфферентных возбуждений, определяющих работу соответствующих периферических аппаратов.*

Нетрудно заметить сходство акцептора результата действия и модели потребного будущего в представлении Н.А.Бернштейна. И там, и здесь «внутреннее действие» (исполнительное, речевое, перцептивное, идеаторное) или «действие во внутреннем плане» (действие до действия) связано с приведением соответствующих систем (виртуальных функциональных органов в терминологии Н.А.Бернштейна) в динамическое состояние *готовности к выполнению действий*. При этом образ, слово и действие оказываются связанными друг с другом посредством смысловых систем, или, по выражению В.П.Зинченко [14], между ними устанавливаются отношения по типу смыслового резонанса.

В дальнейшем эти представления можно обнаружить преобразованными в идеи о системе упреждающих моделей, называемых системой «эфферентных копий» или системой «сопутствующих разрядов». «Эфферентная копия» определяется как копия двигательного (моторного) плана, высылаемого из моторной в сенсорную область коры, а «сопутствующий разряд» — как ожидаемые сенсорные последствия, вызванные передачей эфферентной копии. Опережающая копия (упреждающая модель) ожидаемых ощущений, вызванных собственными действиями, т.е. копия стимула от «самого себя», посылаемая в сенсорную кору, обеспечивает дифференцировку внешних стимулов и стимулов, возникающих в результате собственных действий, что является важнейшим условием выживания. Предупрежденная таким образом сенсорная кора ослабляет или подавляет ощущения и различает их как ощущения, исходящие от «самого себя» [43].

I. Feinberg [42] предполагал, что слуховые галлюцинации вызваны дефектом в идеаторных системах эфферентных копий и сопутствующих разрядов, так как патология этих систем может привести к неспособности отличать собственную нейрональную активность от нейрональной активности, вызванной внешними стимулами. Таким образом, больные шизофренией могут быть неспособны отличать собственные мысли от голоса и других явлений внешней среды. В другом исследовании [43] была обнаружена связь галлюцинаций с феноменом синхронизации на ЭЭГ, который регистрируется за 100 мс до начала речи. Ввиду того, что доречевая синхронизация коррелировала с последующим подавлением волны N1 во время произношения у здоровых лиц, было выдвинуто предположение о том, что синхронизация на ЭЭГ, предвещающая речь, может отражать действие эфферентной копии «моторной команды на произношение». Появ-

ление слуховых галлюцинаций было объяснено невозможностью вычленив идеаторный акт как исходящий от самого индивида.

Данные работы отталкиваются от идей Х.Джексона, который рассматривал мышление как наиболее сложное моторное действие, «способное сохранять и задействовать вычислительные и интегративные механизмы, участвующие в физическом движении». В целом подобные представления соответствуют современным взглядам когнитивной психологии, согласно которым человеческое познание не имеет централизованного и абстрактного характера, не противопоставлено периферийным модулям ввода и вывода, но, напротив, глубоко укоренено в сенсомоторных процессах. Данный подход (под названием воплощенного познания, *embodied cognition*), в частности, допускает, что автономное познание основывается на телесном опыте и, даже будучи оторвано от окружающей среды, основывается на механизмах, которые развивались для взаимодействия с окружающей средой, т.е. на механизмах переработки сенсорной информации и моторного контроля [39].

Таким образом, принцип физиологии активности Н.А.Бернштейна оказывается справедливым не только для построения движения, но и для деятельности в целом: не получающее сенсорной информации изначально или лишенное обратной сенсорной связи действие (или действие, получающее в качестве обратной связи искаженную информацию) в значительной степени дезорганизуется. В основе многих клинических нарушений лежит как раз утрата восприимчивости к обратной связи от собственных действий и тем самым — утрата к самокоррекции. В контексте же настоящего изложения важным является тот факт, что в патогенезе психопатологических феноменов участвуют те психофизиологические звенья, которые задействованы и в механизмах саморегуляции.

Эти психофизиологические (нейрофизиологические) подходы вполне согласуются и с психологическими, где *саморегуляция* — фундаментальный конструкт, предполагающий способность к использованию личностью внутренних средств для организации собственной активности, т.е. произвольность, опосредованность поведения. Осознанная произвольная саморегуляция представляет собой системный, многоуровневый иерархически организованный процесс выживания субъектом целей, выстраивания последовательности действий по их достижению с учетом внешних и внутренних условий, включающих личностные смыслы и ценности, а также изменения линии поведения при появлении новых обстоятельств или в результате переосмысления ситуации. Саморегуляция не сводима ни к деятельности, ни к индивидуально-психологическим особенностям субъекта,

выступая в качестве самостоятельного опосредующего звена между личностью и деятельностью [19].

Можно считать, что на сегодняшний день в отечественной судебно-психиатрической науке деятельностный подход, позволяющий осуществлять анализ психологических структурно-динамических особенностей регуляции поведения, утвердился в качестве основы экспертного анализа. Его использование приводит к построению схем, в основу которых кладутся общепсихологические представления о структуре психической деятельности и ее произвольной регуляции, и которые позволяют оценить ее нарушения на этапах планирования и принятия решения, целеполагания и целедостижения, оценки, прогноза, контроля и коррекции действия [11, 27, 34, 38]. Это стало возможным, поскольку юридические критерии правовых категорий, затрагивающих субъективную сторону юридически значимых событий, могут рассматриваться как обобщенное выражение существующих представлений о произвольной саморегуляции применительно к конкретной юридически значимой деятельности. Она может быть раскрыта через две свои фундаментальные характеристики — предметности и осмысленности.

Введение А.Н.Леонтьевым [28] отношения «значение — личностный смысл» (первый полюс которой характеризует «безличное», всеобщее, социокультурно усвоенное содержание сознания, а второй — его пристрастность, субъективность, обусловленную неповторимым индивидуальным опытом и структурой мотивации) позволяет рассматривать общую программу деятельности (действий) как задаваемую предметной логикой, фиксированной в значении. Значения — элементы общественного сознания, тогда как смысл («для меня значение») становится таковым прежде всего как сознательный личностный смысл. Смысл действия, т.е. осознаваемое отношение предмета действия к его мотиву передается формой переживания (сознания) смысла действия, равнозначной сознанию его цели.

Предметности и осмысленности деятельности соответствуют и две формы ее регуляции [15]:

1. *Интенциональной* стороне деятельности (связанной со смысловым содержанием) соответствует смысловая регуляция — согласование целей и средств деятельности с мотивами, потребностями, ценностями и установками. Этот высший мотивационный (смысловой) уровень саморегуляции связан с содержанием деятельности и организацией общей ее направленности.

2. *Операциональной* (целевой) стороне деятельности соответствует предметная регуляция — обеспечение адекватности операциональных характеристик деятельности особенностям ее предмета (объекта). Операционально-технический уровень отражает фор-

мальную организацию действия и включает звенья планирования, моделирования, программирования, оценивания результатов своих действий и их коррекцию (этапы целеполагания и целедостижения).

Общая теоретическая схема осознанной и произвольной регуляции поведения человека позволяет соотносить понятия «осознание» и «руководство» с ее этапами. Осознание (осмысление) будет соответствовать смысловому восприятию ситуации, целеполагание — данности фактического характера (т.е. значения) планируемых действий, а руководство поведением — этапу целедостижения, или исполнению решения. В более широком смысле категория «руководить своими действиями» охватывает весь процесс описанной регуляции.

Подобное понимание сути юридического критерия позволяет расшифровывать смысл каждого из его компонентов не как отражающий обыденные представления об ответственности, но как научно обоснованный элемент единой системы саморегуляции поведения. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать в качестве предмета научных исследований не только то или иное психическое расстройство как таковое, но именно его юридическое значение. Такой подход создает возможности привлечения к изучению юридических критериев складывающиеся в психологии и нейрофизиологии представления о механизмах саморегуляции.

Развитие научных представлений об актуальной (или ситуационной) саморегуляции невозможно без теоретических и экспериментальных исследований регуляторных основ принятия решений. Процесс актуальной индивидуальной саморегуляции всегда происходит в некоторой конкретной ситуации и сопровождается целостной последовательностью решений, направленных на ее сохранение или изменение [33]. Поэтому отдельную область знаний внутри психологической науки составляет психология принятия решений, оказавшаяся пригодной для раскрытия содержания целого ряда юридических критериев [21, 22, 38]. Т.В.Корниловой [23, 25] психологическая регуляция выбора рассматривается прежде всего как преодоление неопределенности, будучи представлена взаимодействием познавательных (мыслительных, когнитивных) и личностных (субъективных, смысловых) факторов, или процессов. Тем самым подчеркивается идея единства интеллекта и аффекта в модели множественной регуляции выбора, предполагающей единство функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека. Человек как субъект и автор своего решения обязательно добавляет в ситуацию неопределенности нечто, что не существует в ней самой.

Осознанная саморегуляция в принципе не подразумевает непрерывную и полную представленность

в сознании регуляторных процессов: «имеется в виду не постоянно актуальная и развернутая осознанность субъектом всех моментов своей регуляторной активности (что, вообще-то, и невозможно), а их принципиальная «подотчетность» сознанию субъекта, доступность сознательному управлению» [19]. Еще Н.А.Бернштейном было показано, что изначально осознаваемые акты активности могут автоматизироваться и быть представлены в сознании лишь частично. Но, вне зависимости от степени автоматизации навыков, цель активности всегда присутствует в сознании, являясь системообразующей для любого вида поведения и реализующей его функциональной системы психических процессов. Во всех других случаях сознание оперативно: в нем представлены лишь те особенности процесса регуляции и параметры ситуации, которые не могут быть автоматизированы в силу их особой значимости для достижения цели. По мере надобности (при возникновении препятствий), когда необходимо внесение коррекций в процессы регулирования, степень развернутости, представленности в сознании любого из компонентов или средств регулирования может быть повышена. Тем самым активность сознания проявляется в его избирательности [33]. Осознаются процессы представленности личностного «Я» в своих решениях, но не осознаются регулятивные системы, конкретизирующие когнитивные и личностные основания выбора [24].

Таким образом, важнейшими свойствами сознания являются избирательность и осмысленность. Саморегуляция связана не только с сознательным (осознанным, произвольным) управлением человеком собственными действиями и поступками, но и с субъективной активностью познавательных процессов (восприятия и мышления): человек видит то, что имеет для него смысл и ценность. По мысли Л.С.Выготского, если бы человек видел все то, «что есть», он бы не видел ничего, другими словами, вся психика представляет собой уникальный, нигде более не встречающийся по своей мощности и сложности «орган отбора», «решето, процеживающее мир» [10]. В этой связи столь востребованными оказываются категории «значение», «смысл», «ценность», без которых невозможно понимание механизмов избирательности познавательного взаимодействия с объективной реальностью. По выражению В.Е.Клочко [18], человек не превращается в «познавательную машину», которая познает все подряд, парадоксальным образом отношение к отражаемому (познаваемому) оказывается изначально включенным в акт отражения, причем в определенном плане отношение опережает отражение, иницируя и направляя его, о чем свидетельствует открытие эмоционального предвосхищения в регуляции мыслительной деятельности, обнаружение ценностно-смысло-

вых измерений ситуации деятельности. С этой точки зрения смыслы и ценности являются особыми (сверхчувственными, системными) качествами предметов и явлений, образующими условия деятельности. Согласно Л.С.Выготскому, положительная роль психики заключается не в отражении мира, а в том, чтобы «субъективно исказить действительность в пользу организма», поскольку только при таком «искажении» человек получает возможность действовать осмысленно и ответственно. Поэтому деятельность определяется не личностью или ситуацией как таковыми, а многогранными и нелинейными процессами их взаимодействия, т.е. среда и ситуация должны рассматриваться не как детерминанты, а как пространство возможностей.

В этой связи особым фокусом внимания могут стать диспозиционные предпосылки регулятивного статуса личности с раскрытием нейрофизиологических коррелятов психических процессов, участвующих в формировании осмысленного отношения к отражаемому. Например, представления о том, что в микрогенезе восприятия первичная эмоциональная оценка объекта (смысл, ценность) предшествует его осознанному восприятию (значение) предоставляют возможность сближения клинико-психологических и психофизиологических (нейрофизиологических) исследований психических процессов, задействованных в саморегуляции.

Как было показано Е.Ю.Артемьевой [4], начальной фазой восприятия является «первовосприятие» (первовосприятие), обеспечивающее грубую первичную семантическую оценку объекта. Ею был выделен *семантический слой субъективного опыта* [5] — структурированная совокупность отношений к актуально воспринимаемым объектам; следы деятельности, зафиксированные в виде отношения к предметам, объектам манипуляции, явлениям, ситуациям и условиям этих деятельности. Согласно этим представлениям, существуют механизмы опознания и сопоставления объектов по их смысловой характеристике — *семантическим кодам, имеющим амодальную природу и легко проецируемым на семантику любой модальности*. При встрече с объектом прежде всего актуализируется его недифференцированный смысл, согласно которому настраиваются сенсорные системы, осуществляющие на следующем этапе перцептивную обработку стимула.

Эти идеи перекликаются с гипотезой «аффективного (эмоционального) первенства» R.Zajonc [50], согласно которой эмоционально-оценочные реакции могут возникать при минимальной подсознательной обработке сенсорных данных, недостаточной для аналитических когнитивных ответов (например, для опознания или узнавания объекта). «Аффективные

реакции на стимулы часто являются самыми первыми реакциями организма, а у низших организмов они — доминирующие реакции. Аффективные реакции могут возникать без экстенсивного перцептивного и когнитивного кодирования, обладать большей уверенностью, чем когнитивные суждения, и делаться быстрее».

Таким образом, восприятие проходит две стадии:

- первовидения (целостной, с точки зрения эмоционально-оценочных свойств, оценки объекта);
- собственно аналитического (поаспектного) перцептивного восприятия.

Представлениям о двойной системе восприятия соответствует модель двойного пути (маршрута). Из первичных зрительных центров, расположенных в затылочных долях коры больших полушарий, для дальнейшей обработки информация идет в двух направлениях: дорсальном (в направлении задней части теменной доли коры) и вентральном (в направлении нижней части височной доли коры). Данная модель предполагает, что вентральная система зрительно-лимбических связей обеспечивает предметное опознание и сознательные формы восприятия, тогда как дорсальный зрительно-лимбический путь задействован в сложных аттенциональных функциях, эмоциональной активации и быстрой селективной ориентации на стимулы, обладающие мотивационным значением [31, 32, 45, 46].

Дорсальный поток информации (канал «где?»), «как?») необходим для оценки пространства, локализации в нем объекта, оценки его движения; эта информация определяет движения глаз, необходимые для целостного восприятия объекта. Он обеспечивает ориентировочное восприятие, восприятие для действия («здесь и сейчас»), иначе — эмоционально-оценочное восприятие, основанное на скрытых двигательных представлениях («темном опыте»). В большей степени он соответствует формированию намерения за счет быстрой селективной ориентации на стимулы, имеющие мотивационное значение, тем самым соответствуя скорее *смысловому восприятию*. Смысловое восприятие играет ключевую роль в социальной когниции, так как точная и быстрая обработка зрительной информации имеет решающее значение для сенсомоторной настройки, подразумевающей *формирование намерения* и предоставление *внутренней эфферентной копии будущего действия*.

Вентральный поток информации (канал «что?») связан с узнаванием объекта, предметным восприятием. При этом по мере «движения» информации от первичной зрительной коры по вентральному потоку (к направлению полюса височной зоны) происходит все более дифференцированное восприя-

тие предметов. В височной коре «хранятся» образы представлений всех предметов, на их основе и происходит узнавание. Локализация этого «хранения» семантически организована (по смысловым категориям, т.е. предметы, относящиеся к одной категории, хранятся рядом). Это уже восприятие для познания, поскольку обеспечивает кодирование абстрактного знания для планирования последовательности действий и мысленного проигрывания альтернативных вариантов, т.е. выбор целей и действий, в целом соответствуя предметному восприятию.

Понимание нейрофизиологических механизмов ранних стадий зрительного восприятия оказалось востребованным в исследовании патогенеза шизофрении, при которой происходит «сбой» нейрональных процессов передачи зрительной информации. Например, неспособность достраивать иллюзорный контур, обнаруживаемая при шизофрении, т.е. выполнение задания на завершённое восприятие, связано с модулирующими сигналами от дорсальной зрительной системы, маркером нарушений в которой служит пониженная амплитуда компонента P1. Поскольку компонент P1 связан в большей степени с дорсальной зрительной системой, что согласуется и со снижением всех сенсорных потенциалов при стимуляции только этого пути, многие авторы делают вывод о его преимущественном вкладе в нарушение первичной обработки информации при шизофрении. В целом, большинство работ свидетельствует о дисфункции только магноцеллюлярных путей, т.е. дорсальной системы. Абсолютный уровень активации при шизофрении оказывается заметно сниженным, что позволяет предположить, что нарушения обработки информации на уровне дорсальной зрительной системы приводят к отклонениям в последующих стадиях обработки, вовлеченных в завершённое восприятие. Наблюдаемое снижение активации латерального окципитального комплекса (вентральный путь), также вовлеченного в завершение восприятия, по-видимому, связано с нарушением работы дорсальной зрительной системы, от которой он получает часть информации [35].

Нарушения зрительной обработки внешнего сигнала при шизофрении играют очень важную роль, поскольку они взаимодействуют с когнитивным и социальным функционированием человека. Одним из процессов, связывающих первичную обработку зрительной информации и высшие когнитивные функции, является распознавание объектов. Зрение может играть ключевую роль в социальной когниции, так как точная и быстрая обработка зрительной информации имеет решающее значение для выживания и адаптивного функционирования в обществе. Выявляемые при шизофрении нарушения проведения зрительной информации, нарушения детекции движения приводят

к дисфункциям более высокого порядка, таким, как распознавание биологического движения или использование внутренней модели сознания другого, которая основывается на быстро сменяющихся двигательных сигналах, возникающих в результате смены выражения лица [35].

Таким образом создаются условия для сбоя в работе системы зеркальных нейронов, названных так потому, что они «отзеркаливают» действия других путем «перенесения» их с наблюдаемого на наблюдателя за счет активации собственного двигательного «репертуара», предполагая использование своего опыта для узнавания (различения) наблюдаемого действия. Тем самым наблюдение является триггером для активации нейронов, ответственных за выполнение действий, что обеспечивает интеграцию восприятия и действия. В сложных ситуациях предсказание результата может дополнить зеркальный механизм в понимании намерения. Поскольку моторные акты организованы в цепочки, которые кодируют конкретные преднамеренные действия, эти цепи могут также полностью активироваться при наблюдении инициального действия в этой цепи, таким образом предоставляя наблюдателю внутреннюю копию своего будущего акта: при наблюдении за действием, состоящим из нескольких двигательных актов, мышцы, которые вовлечены в последний акт, становятся уже активными во время наблюдения за первым. Эти данные свидетельствуют о том, что система зеркальных нейронов обеспечивает наблюдателя копией всего действия, тем самым позволяя ему понять намерения другого человека, производящего это действие.

Для пациентов, страдающих шизофренией, свойственен дефицит построения внутренней модели сознания другого. Они часто испытывают трудности в распознавании эмоций других людей и не в состоянии выразить эмоции с помощью мимики в словесной коммуникации. Для больных шизофренией характерны существенно большие мозговые затраты на переработку эмоциональной информации. Исследования функций зеркальных нейронов с использованием различных методов нейровизуализации показали снижение их активности у больных шизофренией, что может ассоциироваться со сниженной способностью различать действия себя и других или сопереживать. Что касается позитивных симптомов, они часто рассматриваются как дисфункции самоконтроля и неправильное присвоение намерения. Во время выполнения действия здоровые испытуемые сохраняют память о намерениях, лежащих в основе выполненного действия, и ожидаемый результат самого действия, что позволяет обеспечить возможность сличения между планируемой деятельностью и ее результатом. При шизофрении формирование этих следов памяти может быть нарушено, так что возникают трудности в монито-

ринге выполнения действия и приписывании намерений. Дисфункция системы зеркальных клеток может объясняться снижением оперативной памяти; пациенты с шизофренией не могут сохранять следы своих собственных действий, и, следовательно, могут иметь трудности в признании действия собственным, т.е. соотносить их с конкретным источником. Таким образом, нарушение функции зеркальных клеток может лежать в основе неправильного кодирования намерений других лиц, что приводит к диспропорции в социальных взаимодействиях и, как следствие, к социальной дезадаптации [12].

И.Бауэр [7] следующим образом описывает отношение указанных механизмов к проблеме свободы воли. Программы действий и ощущений, которыми обладает индивидуум (в этом состоит одна из центральных миссий зеркальных нейронов), в головном мозге активизируются благодаря сети нервных клеток. Однако процесс активации может остановиться на мысли о действии, представлении действия. Жизненный опыт обычно создает для каждой ситуации несколько возможных программ реагирования, из которых можно и нужно сделать выбор. Поведение биологических систем является не следствием какой-то причины, а результатом процесса внутренней самоорганизации. Рамки принятия конкретного решения определяются спектром имеющихся в распоряжении индивидуума программ действий, которые он сумел накопить в течение жизни. Свобода воли может быть поставлена под сомнение только при отсутствии одного из условий, например, если психическое расстройство не позволяет протекать процессу нейробиологической и психической самоорганизации, который необходим для свободного принятия решения. Сети нервных клеток, занимающиеся планированием действий, дают в распоряжение индивидуума пространство, в котором могут создаваться представления о действиях, т.е. идеи действий; при этом они не должны с неизбежностью воплощаться в реальность. Это пространство планирования, представлений и мыслей в то же время является областью нейробиологических явлений зеркального отражения и резонанса. То, что мы наблюдаем у других людей или переживаем вместе с ними, пробуждает в нас соответствующие мысли и импульсы. Но мы — при условии, что относимся к числу психически здоровых людей — можем обдумать, оставить ли эти мысли и побуждения на уровне представлений или реализовать их.

Изложенная система представлений, в частности, подтверждающая первичность смыслового восприятия, может означать возврат на новом витке к взглядам классической психопатологии о ведущем значении в генезе психических расстройств нарушений интенции, — понятия, которое, по выражению Дж.Брунера [9], хотя и имеет философское происхождение, однако «оказа-

лось необходимым в биологии, независимо от того, как бы мы его ни называли». Психопатологией основным первичным процессуальным расстройством как непосредственное отражение нарушений схемы тела и психосенсорных связей рассматривалось *расстройство активности, служащее основой для синдромаобразования*, в первую очередь формирующихся на этой основе синдромов расстройства «Я». Это основное расстройство первоначально относилось к *выполнению целенаправленных актов*, будь то внешняя моторика действий, или «внутренняя моторика» рецептивного и конструктивного мышления, или противопоставление окружающему миру своей личности (*парафункция* психической активности по А.Кронфельду, ее *гипофункция* — по И.Берцу). Указывая на зависимость предметного восприятия и распознавания, а также самовосприятия больных от их моторной активности, А.Кронфельд [26] сформулировал принцип, в соответствии с которым представления (цель действия или предметы) определяются моторной ситуацией и ею изменяются. Распознавание отдельных предметов совпадает с некоей *готовностью*, с «*антиципацией*» действия с предметом.

В целом, речь шла, прежде всего, о расстройстве интенциональности как о нарушении смыслового восприятия, т.е. умения не путем умозаключений, а сразу видеть объект в предметном значении, способности видеть объект во всех его отношениях, его конкретных фактических связях, умении включать объект в определенную смысловую систему. В этом же ключе следует воспринимать представления об основном расстройстве при шизофрении как нарушении системного, избирательного расстройства *сенсомоторной предуготовленности*, отражающегося в нарушении единства мыслительной деятельности, в снижении синтетической работы [13]. Сенсомоторная предуготовленность лежит в основе логически познавательного процесса, является тем фундаментом, на котором вырастает мощный аппарат понятийного мышления, предшествующего действию, представляя собой планирующий, протекающий в голове процесс. Эти же идеи лежали в основе взгляда на основное шизофреническое расстройство как тип расщепления, заключающийся в *дизинтеграции предметных и смысловых компонентов мышления* [1], причем данное основное расстройство (расщепление предметного и смыслового) имеет место как в мышлении, так и во внешнем и внутреннем восприятии, в действии и выражении чувств.

Вышеизложенное подводит к признанию того факта, что естественнонаучное содержание юридических критериев возможно, и что решение задачи по их обоснованию носит мультидисциплинарный характер. Это подразумевает поиск единых оснований для сближения различных дисциплинарных направлений в ходе исследования общего предмета, составного

по своей одновременно и естественнонаучной, и гуманитарной природе. К примеру, исследованиями становления познавательных процессов (деятельности) на разных уровнях — от наглядного восприятия до понятийного мышления — оказалось востребованным упомянутое выше понятие интенциональности. Вопрос об интенции касается развития произвольной, самостоятельной деятельности и связан с проблемой регуляции предвидимого поведения посредством опережающего возбуждения или предвосхищающих процессов. Существенным моментом в регуляции интенциональных действий Дж.Брунер [9] считал возможность сличать задуманное с фактически достигнутым, используя обнаруженное различие, которое и становится исходным для коррекции. В этой связи он указывал на понятие реafferентации как источника регуляции поведения, восходящее к работам Н.А.Бернштейна. Существует некая «переводящая деятельность», посредством которой данные перцептивно прослеженной задачи преобразуются в исходные условия плана действия. Интенциональные программы формирования действий отличаются исключительной обобщенностью в том смысле, что они способны к изменениям, приспосабливаясь к широкому диапазону условий, причем интенция остается неизменной, а варьируют средства, используемые для достижения соответствующей цели. Для Дж.Брунера [9] интенция предполагает наличие внутреннего импульса в нервной системе, посредством которого начатое действие не только осуществляется в эффекторах обычной последовательностью движений, но и сигнализируется соответствующим сенсорным и координационным системам посредством опережающего разряда возбуждения (эфферентной копии) или внутренней обратной связи, предвосхищающей действие. Невозможно представить себе направленного действия без обратной связи, обеспечиваемой таким предварительным оповещением об интенции, характерным первоначальным «аккомпанементом» которой является *ориентировочная реакция*, сопровождаемая включением предварительной установки.

В этой связи могут получить особое значение исследования нейрофизиологических эндофенотипов, к которым отнесены физиологические реакции, связанные с фильтрацией потока сенсорной информации на стадиях предвнимания и раннего внимания. Например, феномен торможения P50 и предстимульная модификация акустической стартл-реакции характеризуют процессы сенсорной и сенсомоторной фильтрации, которые осуществляются на подпороговом уровне, являются автоматическими и не включают осознанный контроль. Тест с антисаккадами связан с проблемой интенциональности и регуляции предвидимого поведения, и его можно рассматривать как модель произвольной осознанной самостоятельной дея-

тельности. Выполнение антисаккад предусматривает активацию предварительной установки, формирование сенсомоторной предуготовленности, которая является фундаментом, предшествующим действию, представляя собой планирующий процесс [17].

Непростым вопросом, однако, является соотношение нейрофизиологических (психофизиологических) параметров активности со структурными звеньями психической саморегуляции, поиск которых, по-видимому, наиболее оправдан в кругу тех из них, действие которых не связано с репрезентацией в сознании. Так, Д.А.Леонтьев [29] соотносит «эмоциональные коды» Е.Ю.Артёмовой, отражающие значимые свойства объекта или явления на уровне глубинных семантических структур образа мира, с выделенным им «атрибутивным» механизмом смыслообразования. Его источником являются категориальные шкалы, как правило, нерелексируемые, служащие инструментом выделения, классификации и оценивания субъектом значимых характеристик объектов и явлений действительности. Для обозначения таких имплицитных индивидуально специфических категориальных шкал им использовано понятие *смыслового конструкта*, источника смысла объектов, явлений и ситуаций, являющегося устойчивым, инвариантным, транситуативным и вносящим вклад в оценку всех без исключения объектов и явлений действительности. Он оказывается связан с *личностным смыслом*, в который окрашивается в сознании тот или иной объект или явление через оценку этого объекта или явления по параметру присутствия и выраженности в нем любого из значимых качеств. Не исключается способность смысловых конструктов к порождению не только личностных смыслов, но и *смысловых установок* актуальной деятельности. Смысловая установка, по Д.А.Леонтьеву, будучи распредмеченной формой существования смысла, — это составляющая исполнительных механизмов деятельности, отражающая в себе жизненный смысл объектов и явлений действительности, на которые эта деятельность направлена, и феноменологически проявляющаяся в различных формах воздействия на протекание актуальной деятельности. Смысловая установка обеспечивает регулирующее воздействие жизненных смыслов объектов и явлений действительности на протекание деятельности субъекта без сопряженности с какой-либо формой их презентации в его сознании, «изнутри» управляя протеканием деятельности в соответствии с заданной мотивом направленностью. Регулирующие воздействия такого рода передаются непосредственно на исполнительные механизмы деятельности, минуя сознание, осуществляются произвольно и, как правило, неосознанно. Взаимодействие смысловых установок и личностных смыслов в регуляции психического отражения передается Д.А.Леонтьевым в виде следу-

ющего положения: искажения, вносимые в образ, так модифицируют его, чтобы его личностный смысл в максимальной степени соответствовал направленности актуальных смысловых установок. Взаимная дополнительность личностного смысла и смысловой установки как регуляторных механизмов выступает в ситуации предметно-практической деятельности, по отношению к которой личностно-смысловая регуляция носит всегда опережающий характер. Однако в ряде случаев она может и отсутствовать, что показывают исследования подпороговой перцепции, в которых доказано, что смысловая регуляция может осуществляться и минуя план сознания, без презентации соответствующего содержания в психическом образе, за счет субсенсорных механизмов, имеющих установочную природу.

Смысловые конструкты, с другой стороны, представляют собой особый слой смысловой структуры личности, отличаясь наибольшей обобщенностью и устойчивостью и наиболее тесной связью с личностными ценностями. Актуализируясь в конкретной деятельности во многом под влиянием актуальных мотивов, они привносят в ее смысловую регуляцию компоненты, отражающие стратегическую ориентацию личности и в максимальной степени независимые от актуальной направленности деятельности и от ситуационных интересов [29].

Все сказанное говорит о принципиальной возможности формулировать предмет судебно-психиатрической экспертизы в понятиях, допускающих интерпретацию ключевого его образования (юридическая релевантность) в русле современных представлений нейронаук. Между тем, это подразумевает уточнение взаимных понятийных пересечений нейрофизиологии и психологии и той психической реальности, которая стоит за терминологией каждой из этих наук. В данном контексте не случайны уже происходившие сближения, например, категории установки с «акцептором действия» П.К.Анохина и «образом потребного будущего» Н.А.Бернштейна; или раскрытие содержания смысла как «зачаточного действия», «эскиза будущего действия» и т.д. Объединяющим эти концептуальные построения, возможно, является указание ими на ту опосредующую субстанцию, которая помещается между физическим и психическим, порождает сознательную психику человека, выполняя роль категории, олицетворяющей единство психического и физического видов детерминации [6].

Одновременно данный подход ставит проблему выбора методов (нейрофизиологических и психологических), наиболее адекватных основному вопросу судебно-психиатрической экспертизы — оценке сохраненных и нарушенных процессов саморегуляции применительно к конкретной юридически значимой деятельности. В этом смысле актуальным остается

указание В.Х.Кандинского [16]: «Не потому человек находится в состоянии невменяемости, что он болен, но наоборот, тогда-то лишь и можно назвать человека больным, если у него не оказывается полной наличности условий свободного волеопределения, не оказывается свободы выбора того или другого образа действия».

Список литературы

1. Аккерман В.И. Механизмы шизофренического первично-го бреда. *Иркутск*, 1936: 134 с.
2. Анохин П.К. Особенности афферентного аппарата условного рефлекса и их значение для психологии. *М.: Наука*, 1979: 309-337.
3. Анохин П.К. Узловые механизмы функциональной системы как аппарата саморегуляции. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. — *М.: Медицина*, 1975. С.307-321.
4. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. *М.*, 1980. 128 с.
5. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. *М.: Смисл*, 1999. 352 с.
6. Асмолов А.Г. Об иерархической структуре установки как механизма регуляции деятельности. — Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Под общей ред. А.С.Прангишвили, А.Е.Шерозия, Ф.В.Бассина. *Тбилиси*, 1978. С.147-157.
7. Бауэр И. Почему я чувствую, что чувствуешь ты. Интуитивная коммуникация и секрет зеркальных нейронов. *СПб*, 2009.
8. Бернштейн А.Н. Физиология движений и активность. *М.*, 1990. С.373-392.
9. Брунер Дж. Психология познания. *М.*, 1977. 412 с.
10. Выготский Л.С. Мышление и речь. *М.*, 1996. 416 с.
11. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. *М.*, 2004. 352 с.
12. Зайцева Ю.С. Зеркальные клетки и социальная когниция в норме и при шизофрении. *Социальная и клиническая психиатрия* 2013; 23(2): 96-105.
13. Заманзон А.Н. К вопросу об основном расстройстве при шизофрении. Труды психиатрической клиники I ММИ. Вып.5. *М.*, 1934. С.60-86.
14. Зинченко В.П. Плавильный тигль Вильгельма Гумбольдта и внутренняя форма слова Густава Шпета в контексте проблемы творчества. *Психология. Журнал Высшей школы экономики* 2007; 4(3): 79-97.
15. Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. *М.*, 2010. 415 с.
16. Кандинский В.Х. К вопросу о невменяемости. *М.*, 1890.
17. Киренская А.В., Сторожева З.И., Ткаченко А.А. Нейрофизиологические эндофенотипы как инструмент для изучения внимания и контроля поведения: перспективы исследований и диагностики. *СПб.: Нестор-История*, 2015. 336 с.
18. Ключко В.Е. Категория саморегуляции в контексте парадигмальных изменений современной психологии. Психическая саморегуляция: на пересечении подходов: Психология саморегуляции в XXI веке. Отв. ред. В.И.Моросанова. *СПб-Москва*, 2011. С.38-55.
19. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. *М.: Наука*, 1980. 256 с.
20. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности. *Вопросы психологии* 2008; 3: 22-34.
21. Корзун Д.Н., Ткаченко А.А. Новые задачи судебной психиатрии в свете изменений действующего законодательства. *Неврологический вестник* 2013; XLV(2): 3-12.

22. Корзун Д.Н., Ткаченко А.А. Судебно-психиатрическая оценка механизмов принятия юридически значимых решений. *Российский психиатрический журнал* 2013; 1: 11-17.
23. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: *Аспект Пресс*, 2003. 286 с.
24. Корнилова Т.В. Саморегуляция и выбор в преодолении субъективной неопределенности. Психология саморегуляции в XXI веке. Отв. ред. В.И. Моросанова. СПб-Москва, 2011. С.142-161.
25. Корнилова Т.В. Психология выбора как мыслительное и личностное опосредование преодоления неопределенности. *Психологический журнал* 2016; 3: 113-124.
26. Кронфельд А. Становление синдромологии и концепция шизофрении. М., 2006. 768 с.
27. Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н. Психологические подходы к проблеме саморегуляции и их прикладное значение для решения вопросов судебно-экспертной практики. Аналитический обзор. М., 2010. 38 с.
28. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. 304 с.
29. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: *Смысл*, 1999. 487 с.
30. Лунц Д.Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966.
31. Мещеряков Б.Г. Скрытое опознание и неосознаваемый эмоциональный эффект лиц. *Дубна* 2013; 2: 79-105.
32. Милнер А.Д., Гудейл М.А. Зрительный мозг в действии. — Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия. Под ред. В.Ф. Спиридонова и М.В. Фаликман. М.: *Языки славянских культур*; М.: *Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)*, 2012. С.109-122.
33. Моросанова В.И. Психическая саморегуляция: на пересечении подходов. — Психология саморегуляции в XXI веке / отв. ред. В.И. Моросанова. СПб-Москва, 2011. С.12-37.
34. Сафуанов Ф.С. Критерии экспертной оценки ограниченной вменяемости обвиняемых в агрессивных преступлениях // *Ограниченная вменяемость*. Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. М., 2008. С. 166-181.
35. Симонова Н.А., Гарах Ж.В., Зайцева Ю.С., Шмуклер А.Б. Нейрофизиологические механизмы нарушения зрительного восприятия при шизофрении. *Социальная и клиническая психиатрия* 2014; 24(1): 81-89.
36. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. 285 с.
37. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М., 2000. 160 с.
38. Ткаченко А.А., Корзун Д.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза. М.: *ГЭОТАР-Медиа*, 2016. 672 с.
39. Уилсон М. Шесть взглядов на воплощенное познание. Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия. Под ред. В.Ф. Спиридонова и М.В. Фаликман. М.: *Языки славянских культур*; М.: *Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)*, 2012: 19-28.
40. Шишков С.Н. Невменяемость (мировоззренческие, эмпирические, социальные предпосылки и становление в качестве правовой категории). М., 2010. 380 с.
41. Cuthbert B.N. The RDoC framework: facilitating transition from ICD/DSM to dimensional approaches that integrate neuroscience and psychopathology. *World Psychiatry* 2014; 13: 28-35.
42. Feinberg I. Efference copy and corollary discharge: implications for thinking and its disorders. *Schizophr Bull* 1978; 4: 636-40.
43. Ford J.M., Perez V.B., Mathalon D.H. Neurophysiology of a possible fundamental deficit in schizophrenia. *World Psychiatry* 2012; 11(1): 58-60.
44. Fozdar M.A. The Relevance of Modern Neuroscience to Forensic Psychiatry Practice. *J Am Acad Psychiatry Law* 2016; 44: 145-50.
45. LeDoux J.E. Sensory systems and emotion: A model of affective processing. *Integrative Psychiatry* 1986; 4(4): 237-243.
46. LeDoux J.E. The emotional brain. New York: Simon and Schuster, 1996.
47. Morse S.J. The Ethics of Forensic Practice: Reclaiming the Wasteland. *J Am Acad Psychiatry Law* 2008; 36: 206-17.
48. Morse S.J. An accurate diagnosis, but is there a cure? An appreciation of the role of science in law by Robin Feldman. *Hastings Sci & Tech L J* 2010; 3: 157-64.
49. Morse S.J. Criminal law and common sense: an essay on the perils and promise of neuroscience. *Marq L Rev* 2015; 99: 39-72.
50. Zajonc R.B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences. *American Psychologist* 1980; 35(2): 151-175.

THE SUBJECT OF FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATION AND TRANSLATIONAL MEDICINE

Tkachenko A.A.

MD, Professor, Head of the Department of the forensic psychiatric examination in criminal proceedings
 Serbsky Federal Medical Research Center of Psychiatry and Narcology
 Moscow, Russia

For correspondence: *Tkachenko Andrey*; e-mail: tkatchenko_gnc@mail.ru

Conflict of interest. The author declare no conflict of interest.

Funding. The study had no sponsorship.

Received: 02.08.2016.

The article discusses relationships between legal categories and scientific views on voluntary regulation of behavior. Presented understanding of the legal (psychological) criterion positing each of its components as reflecting the scientifically based element of a unified system of behavioral self-regulation. It proves that only such approach creates an opportunity to bring modern concepts of self-regulatory mechanisms that are emerging in psychology and neuroscience into the examination of the legal criterion.

Keywords: forensic psychiatric examination, a mental disorder, the legal criterion, self-perception, freedom of choice, free will, neurophysiology, psychology.